

БИТВА

РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ В СИРИИ

ЗА ПАТРИОТОВ

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Битва за Пальмиру. Российский спецназ в Сирии

Сергей Зверев

Солнечное сплетение

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Солнечное сплетение / С. И. Зверев — «Эксмо», 2016 — (Битва за Пальмиру. Российский спецназ в Сирии)

ISBN 978-5-699-92838-5

Запад готовит в Сирии крупную провокацию, жертвами которой могут стать тысячи мирных жителей. Руководству ГРУ известна одна из ключевых фигур провокаторов – полевой командир по прозвищу Плешивый Ахмед. С целью захвата террориста в его логово под видом спонсоров забрасывается группа спецназа подполковника Силина. Но бандиты вычисляют спецназовцев и оказывают ожесточенное сопротивление. Силину удается узнать, что осуществлять кровавую акцию будет не Ахмед, а террорист более высокой «квалификации». Схватка с зарвавшимся отморозком становится для бойцов ГРУ серьезным испытанием.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92838-5

© Зверев С. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Солнечное сплетение

© Рясной И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

– Ты мой брат. Мой дом – твой дом. Мои враги – твои враги. Мой клинок – твой клинок.

– Да будет так, – кивнул я, разглядывая плотного бородатого мужчину лет сорока, развалившегося на подушках, покрывающих огромный пыльный ковер. Немного простодушное выражение на обветренном загорелом лице и растянутые в радушной улыбке губы никак не вязались с недобрым взглядом колючих черных глаз.

Лучи закатного солнца пробивались через узкое окошко и бросали алые отсветы на идеально гладкий череп моего собеседника. Благодаря этой совершенной в своем роде лысине он получил прозвище Плешивый Ахмед.

Я не обольщался. Понятно, что никакие мы не братья. И ничто в мире не заставит его признать во мне равного. Европейец не может быть равным. Зато может быть рабом – пусть плохим, непослушным, но вполне годящимся для определенных целей. Он воспринимал меня просто как очередного сумасшедшего неверного, решившего вовремя переметнуться на сторону сильного. Но сейчас он вынужден был заискивать и величать меня братом, потому что с моей помощью хотел получить так необходимое оружие и боеприпасы, запасы которого катастрофически таяли в ожесточенных схватках с врагами истинного ислама и бесконечных междоусобицах.

– Я счастлив, что могу оказать посильную помощь в нашей общей справедливой борьбе, – изрек я торжественно.

– И знай, что ни один патрон не будет потрачен зря, – заверил Плешивый. – Ни один цент не улетит впустую. Тела твоих и моих, наших общих врагов, будут обгладывать песчаные псы.

– Твои слова внушают надежду.

– И она никак не пустая. Дай оружие – и мы сроем эти горы до основания...

– Достаточно зарыть людей. А горы пусть стоят, – улыбнулся я и пригубил из пиалы ароматный чай.

Сколько я чая выпил, колеся по этим краям. Сколько разговоров переговорено. Сколько дел сделано. А сколько еще предстоит сделать...

Нам было очень нелегко добраться в Джуджал – небольшой сирийский городок, где еще недавно работали фабрика по производству оливкового масла, несколько мастерских по ремонту техники, ряд госучреждений, почта, банк и несколько небольших фирмочек. Это был центр обширного сельскохозяйственного района. Население здесь раньше не шиковало, но и не бедствовало – жило в целом достойно. Война опустошила эти земли. Теперь люди выживали. А моджахеды из отряда Плешивого Ахмеда, чей штаб по-хозяйски расположился тут, не уставали огнем и мечом наводить свой жесткий порядок.

Мы находились в одном из немногих уцелевших после бомбежек и уличных боев двухэтажном бетонном доме, где раньше располагались почта и банк, о чем напоминали прочерченные пулями вывески, чудом уцелевшее зеркальное окно на первом этаже и вращающиеся двери на входе. Стены были крепкие, подвалы просторные. Большое помещение, занимавшее почти весь второй этаж, было когда-то операционным залом – там даже сохранилась часть офисной мебели, а за бронированной перегородкой, за которой в былые тихие времена скромно трудились кассиры, сейчас были свалены боеприпасы и оружие.

– Не сочти за назойливость, уважаемый гость. Где ты овладел так хорошо нашим языком? – спросил Плешивый. – Ты говоришь так, словно родился в этих краях. А выглядишь, будто из Германии.

О Германии Плешивый знал не понаслышке – она являлась для него сосредоточением всего европейского. Попал он туда после участия в свержении правительства Ливии. Натурализовавшись в Берлине, оказался в поле зрения исламских организаций, готовившихся разо-

драть в клочья Сирию. И вскоре закономерно оказался в этой стране, став через некоторое время средней руки полевым командиром.

– Я здесь провел много времени, воюя за правое дело. И у меня близкий родственник родом из этих мест, – поведал я, ни словом не покрывив против истины. Был и близкий родственник, который с детства рассказывал об этих родных ему сказочных местах. Были и долгие месяцы, которые я провел здесь. И правое дело тоже было.

Мы с Плешивым вели разговор, удобно устроившись у окна. Еще в помещении присутствовали мои люди и около десятка моджахедов. Полевой командир не хотел оставаться наедине с гостями ни на секунду. Он был осторожен до пугливости. Нам пришлось потратить немало сил, чтобы убедить его в том, что мы прибыли от его спонсоров, а не являемся агентами сирийской контрразведки.

Меня и моих родных бандитов хозяева предварительно разоружили. Оставили только Беку фамильный старинный кинжал, с которым тот наотрез отказался расставаться хоть на секунду. Автоматы, пулемет, гранаты и прочие атрибуты свободного человека – все забрали, черти чумазые. Хотя мы пришли по рекомендации, но волю нам здесь давать не собирались.

Плешивый время от времени кидал на меня пронзительные взгляды. Он и верил, и не верил мне. По хитрым и надежным каналам связи ему велели принять представителей спонсоров. Но поверит он нам окончательно, только когда увидит обещанные мной оружие и боеприпасы.

Моджахеды, разномастно одетые – кто в камуфляж, кто в просторные национальные одежды, кто в спортивные костюмы, – кажется, нашли с моими ребятами общий язык. Вон невысокий, плотный, с морщинистым лицом человека, пережившего и познавшего в жизни очень многое, Бек, сидя на корточках, перешептывался о чем-то с бородатым толстым арабом. Они радостно лыбились, иногда смеялись. Им было что вспомнить. Оба в седой древности – больше полутора десятков лет назад – воевали в Ичкерии против федеральных войск и теперь делились воспоминаниями, как два почтенных ветерана: мол, помнишь, как наши подпалили армейскую колонну, а ваши только и прятались по горам.

Князь сидел в самом углу, прикрыв глаза, вытянув ноги и прислонившись к стене. Его мощная громадная фигура викинга дышала спокойной силой. Он лениво прихлебывал из пиалы горячий чай, всем своим видом демонстрируя, что не испытывает даже намека на интерес к общению с окружающими его людьми.

Вокруг выглядевшего как студент, худого, с рассеянным взглядом и замедленными движениями, Рада столпились моджахеды. По виду он был типичный «ботан», что и подтверждал, демонстрируя местной братве какие-то фокусы с компьютером, которым владел лучше, чем д'Артаньян шпагой.

Сухощавый, долговязый Утес с изрезанным шрамами лицом сидел на коленях и бросал кости – он втянул в эту нечестивую игру пару единоверцев.

– Нам, своим лучшим слугам, Аллах все простит, – заверил он партнеров по игре. – И азартную игру, и пропущенный намаз, и стопку алкоголя.

Этими словами он очень емко выразил общее мнение всей этой «правоверной» братвы. Каждый из них был уверен, что Аллах за подвиги во имя Его простит им абсолютно все. Вот только везения Всевышний им не дал, и теперь перед Утесом лежала стопка выигранных денег – американские доллары, сирийские фунты, даже юани.

Утес виртуозно умел кидать кубики, хотя это, если следовать научному мировоззрению, невозможно. Но этот человек не любил это слово – «невозможно». И кубики, которые принесли местные, летали так, как нужно ему.

Мы с Плешивым Ахмедом перешли к разговору по существу. В последние недели под напором сирийской армии и российской авиации подразделения Халифата в этом регионе оставляли одну позицию за другой, откатываясь все дальше в пустыню. Но полевой командир

не терял оптимизма. Он не верил, что неверные победят. Только бы хватило доблестным моджахедам денег и оружия, которые щедро дают разные дураки, такие как этот неверный перед ним. И смотрел он на меня с усмешкой в глубине глаз, продолжая отчаянно торговаться и просить, просить, просить.

– Нам сейчас мало помогают, – горько сетовал Плешивый. – Раньше больше помогали. Но мы будем держаться, даже если никто не поможет. И мы победим. И мы не забудем тех, кто помог нам. И тех, кто перестал помогать, – угроза зазвучала в этих его словах.

– И будешь прав. Не может быть друга наполовину, – произнес я как можно более веско.

– Нам не хватает информации, мы порой не знаем, что творится справа и слева от нас. Мы не ведаем, когда шайтаны прорывают фронт и откусывают еще кусок нашей территории, – продолжил перечислять свои беды Плешивый. – Это еще хуже, чем недостаток боеприпасов...

Зашуршала военная рация в массивном металлическом корпусе, стоявшая на офисном столе в углу. Помощник Плешивого загыркал на арабском что-то маловнятное и неинформативное: да... нет... ты шакал, как ты смеешь... ну тогда я тебя прощаю – и все в том же духе. Это были переговоры с кем-то из вассалов или подчиненных.

Плешивый прислушался краем уха, потом вернулся было к нашему разговору, но тут его отвлек нарастающий гул самолета. Полевой командир поднялся тяжело с подушек, подошел к окну, пытаясь рассмотреть источник беспокойства. Вернулся на место и хлопнул себя ладонью по колену:

– Они все время летают! Но они не знают точно, кого бомбить, и мы привыкли к ним. Но почему нам не помогут снять их с неба?

– Я не знаю...

– Минометы, патроны – это хорошо. Но главное «Стингер»! Русский шайтан слишком хорошо чувствует себя в небе. Но небо – это не место для шайтанов. А нам почти не дают «Стингеров». Почему?!

Я только пожал плечами.

– Потому что любой европеец – это предатель! – неожиданно эмоционально воскликнул Плешивый, на миг забыв, с кем говорит. – Он не осенен словом Пророка. И ему нет веры!

Он перевел дыхание, и тут же опять слащавая улыбка растянула его губы.

– Конечно, речь не о тебе и наших верных благодетелях.

– Конечно, – так же слащаво улыбнулся я в ответ и мельком огляделся.

Утес завязал с игрой в кости и теперь показывал карточные фокусы. Двое моджахедов заворуженно смотрели на мелькавшие в его пальцах карты.

Басмачи расслаблены, но службу знают, вон у тех двоих винтовки «М-16» на боевом взводе. Да, ребята многому научились за годы войны... Но только далеко не всему.

– Мы дадим все, – важно изрек я. – Но от вас потребуется кое-что взамен.

– Что же?

– Согласование действий. И информация.

– Все, что в моих скромных и слабых силах, – закивал Плешивый, пряча глаза.

Электронные часы на моей руке мигнули. Ну что ж, время подходит.

– Скажи, уважаемый, а ты искренне веришь в воцарение всемирного Халифата? – спросил я.

– Верю, – от избытка чувств Плешивый ударил себя кулаком в грудь. – Конечно, верю! Всей душой и телом!

«А зря», – подумал я. Но вслух этого не сказал. Зато выдал другое:

– А если для победы придется поступиться принципами?.. Есть весомое предложение. Только ради Аллаха милостивого и всемогущего придется на время забыть о некоторых его заповедях...

Глава 2

«Особой важности.

Экземпляр № 2.

Информационный меморандум.

В настоящее время наметился перелом в боевых действиях на территории Сирийской Арабской Республики. Теснимые вооруженными силами законного правительства и ударами группировки военно-космических сил Российской Федерации, боевики Халифата, «Джебхат Ан-Нусры», «Ахрар аш-Шама» и других экстремистских группировок вынуждены оставлять захваченные территории. Установлен контроль центрального правительства над границами с сопредельными государствами, более чем на девяносто процентов перекрыты потоки контрабандной нефти и оружия. Все это сопровождается определенными успехами прогрессивных сил на дипломатической арене, в результате чего заинтересованные в пролонгации конфликта страны лишены возможности прямой поддержки курируемых ими террористов. В связи с указанными обстоятельствами перспектива расчленения единого Сирийского государства отодвигается все дальше с угрозой окончательного краха в исторической перспективе сепаратистского проекта.

Вместе с тем определенные элитные круги США и Великобритании, в которые входят представители транснациональных корпораций, правительств и спецслужб, не готовы к такому варианту развития событий.

По поступающей агентурной информации, в ближайшее время готовится широкомасштабная провокация, целью которой являются демонизация правящего режима Сирийской Арабской Республики, дискредитация миротворческих усилий России и в конечном итоге ввод оккупационных войск антитеррористической коалиции, образованной в обход Совета Безопасности ООН.

Осуществление провокации планируется в течение ближайших недель.

Инициаторы – отдел тайных операций Национальной секретной службы ЦРУ (США), 3-й Департамент разведки МИ-6 (Великобритания).

Способы и методы провокации неизвестны, однако анализ имеющейся информации и изучение традиций проведения подобного рода спецопераций позволяют сделать определенные выводы о ее характере.

Возможные варианты:

1. Использование неконвенционного оружия – химическое заражение, грязные бомбы или иные средства массового уничтожения.
2. Массовые убийства мирного населения.
3. Провокации на границах с сопредельными Сирии государствами.
4. Ликвидация кого-либо из крупных политических деятелей.

Менее вероятным выглядит сценарий осуществления масштабного террористического акта на территории одной из европейских стран с перекладыванием ответственности на сирийское руководство, однако и такую возможность исключить нельзя.

Для провокации будет привлечена агентура, состоящая на связи у разведывательного сообщества Великобритании с его традиционными в указанном регионе прочными оперативными позициями, а также использованы возможности соответствующих структур Катара и Саудовской Аравии.

По предварительным сведениям, британцы пытались договориться о проведении операции с одним из мелких полевых командиров Халифата по кличке Плешивый Ахмед, он же бывший ливийский гражданин Ахмед Шукри Мухаммед, обладающий определенной опера-

тивной самостоятельностью. Фактически он руководит бандой, которая сама выбирает себе цели, что вполне устраивает заказчиков акции.

Указанная провокация будет сопровождаться массированным идеологическим и информационным прикрытием с использованием подконтрольных Западу и Саудовским монархиям средств массовой информации. Активизация информационной войны наблюдается уже сегодня. Мы видим, что происходит скоординированное целенаправленное очернение политического и военного руководства Сирийской Арабской Республики, а также сознательное извращение роли Российской Федерации в урегулировании конфликта и борьбе с мировым терроризмом. Таким образом, дана отмашка на подготовку общественного мнения к грядущим радикальным шагам со стороны стран НАТО и антитеррористической коалиции на территории САР.

Также нет сомнений в том, что в случае успеха результаты масштабной спецоперации будут активно использованы для обострения внутривнутриполитической обстановки в России с перспективой смены легитимной власти на марионеточное по отношению к Западу правительство. Это подтверждается активизацией легальной и нелегальной иностранной агентуры, неправительственных организаций, а также агентов влияния на территории РФ и ближнего зарубежья.

С учетом изложенного, считаю целесообразным организовать комплекс разведывательных и активных силовых мероприятий, направленных на пресечение провокаций зарубежных спецслужб, возложив проведение на силы специальных операций и оперативные службы ГРУ МО РФ.

Начальник ГРУ МО РФ

генерал-полковник С. К. Топилин».

У меня с детства отличная память, в более позднее время отточенная самыми жесткими специальными тренингами, которыми меня терзали не один год и продолжают терзать до сей поры. Так что текст документа, который мне продемонстрировал в своем просторном, исполненном в стиле хай-тек кабинете генерал-лейтенант Шабанов, намертво засел у меня в голове.

– Силы спецопераций – это, как я понимаю, моя группа? – спросил я в тот знаменательный день, ознакомившись с меморандумом.

– Не только, – туманно произнес заместитель начальника ГРУ.

Генерал Шабанов был моложав, с перечерченным глубоким шрамом лицом, очень крупный, с руками-клещами, похожий на предводителя шайки разбойников, хотя впечатление это где-то обманчиво. Нет, предводителем, притом авторитетным, он, конечно, был, но в душе являлся еще и философом, за что за глаза его прозвали Кантом – очень уж он любил долбить черепа подчиненных малопонятными цитатами великого пруссака.

– Но ты будешь на самом острие удара, – продолжил Шабанов.

– Как всегда, – кивнул я.

– Тебе доверяют, Глеб Павлович. У тебя репутация.

– Репутация нужна, чтобы облегчать жизнь. А не чтобы ее сокращать... Кроме смутных оперативных данных, есть что-то?

– Практически ничего. Эти сведения добыты потом и кровью оперативников нелегальной разведки. Отшлифованы аналитиками. Но мы не волшебники.

– А только учимся, – хмыкнул я. – Получается, зацепка одна – этот Плешивый.

– И ты его вытащишь за ушко на солнышко.

– Каким образом?

– У него некоторые проблемы с оружием и деньгами. Его старые спонсоры направили к нему группу поддержки – пару европейцев, араба и чечена, чтобы обговорить дальнейшее сотрудничество. Ты придешь вместо них.

– Это реально?

– Очень даже. Тут мы полностью контролируем ситуацию. Но грязную работу должен выполнить ты...

И вот привычный миг – старт на Чкаловском аэродроме. В одноэтажном деревянном здании хмурый подполковник проверил полетные списки, поставил подпись и дал «добро» на вылет. С оформленными документами я уселся в форд-фургон, в котором было тесно – там расположилась моя группа отпетых головорезов, а все оставшееся место заполнили баулы с формой, оборудованием, снаряжением, чехлы с оружием.

Машина закрутилась по бетонным дорожкам, петляющим между вздымающимися капо-нирами, за которыми располагались самые разные самолеты. Тут вам и белоснежные «Ту-204», и серые борта «Ан-72» с эмблемами военно-космических сил, и «Сухой-джет» с логотипом компании «Аэрофлот», и пузатый громадный «Ан-124» «Руслан», и совсем экзотические произведения еще советского авиапрома, названия которых мало кто знает.

Издавна аэропорт Чкаловский являлся военными зарубежными воротами России. Отсюда уходили борта в сторону дальних стран, где пылали войны или с кем у нас было военное сотрудничество. Афганистан, Египет, Ангола, Эфиопия – где только не побывала нога советского, а потом и русского военного советника, куда только не доставлялись смертоносные грузы. Недоброй памяти министр-мебельщик в бытность свою хотел по дешевке загнать этот аэропорт коммерсантам, но вовремя захлебнулся в бурных водах коррупции, поэтому в который уже раз я имел счастье именно в Чкаловском, ступив на аппарель «Ил-76», груженного военными грузами, протянуть полетный лист командиру экипажа и сказать:

– Ну что, извозчик, вези нас на отдых на юга.

И подполковник, которого я знал не первый год, в ответ зычно произнес:

– Доставим с ветерком, барин.

Я выстроил свою группу перед аппарелью. Это не только дань дисциплине, но и давняя традиция.

Мы прошли вместе огонь и воду. У каждого из них были имя, фамилия, отчество, семьи, квартиры, множество нитей и канатов, привязывающих их к обыденной московской суете. Но с этого момента у них нет ничего, кроме оперативного псевдонима и боевой задачи. Князь – мой заместитель, а также пулеметчик и медик. Рад – технар, связист. Бек – минер и сапер. Утес – снайпер. Хотя деление это формальное – любой владеет всеми специальностями в полном объеме, но в чем-то каждый достиг совершенства. Все мы – это диверсионно-разведывательная группа «Бриз». Лучшая ДРГ Главного разведывательного управления Министерства обороны РФ – во всяком случае, мне по своей наивности очень хочется так считать.

Ребята вытянулись по струнке.

– Товарищи офицеры, мы отбываем в заграникомандировку для выполнения специального задания командования. Возражения, замечания, дополнения, самоотводы есть? – выдал я традиционную фразу, с усмешкой оглядывая своих орлов.

Естественно, ответом послужило молчание.

Каждый раз на бетоне этой полосы мы прощались с Родиной навсегда. Мы расставались с прошлым. С самими собой. Спецназер ГРУ в глубокой заброске в тыл врага перестает существовать – в карманах нет ни одной бумажки, ни одного предмета, который хотя бы отдаленно намекал на то, кто он, откуда. Засыпался – умри. Тебя уже нет. Ты человек без лица и имени...

«Без документов, без имен, без наций лежим вокруг сожженного дворца» – эти стихи про бойцов спецназа, взявших дворец Амина в Афганистане в 1979 году, относятся ко всем людям нашей странной профессии.

– Вольно, – скомандовал я. – Загружаемся на борт.

И вот моя группа, закрепив багаж, рассаживается на откидных сиденьях, идущих вдоль стенки в огромном гулком чреве самолета.

«Ил-76», получив «добро» диспетчера, вырулил на взлетку и свечкой взмыл в небо. Летчик – лихач, но ему позволительно, он лучший ас военно-транспортной авиации.

Промежуточная посадка была в Ростове. В самолет загрузили зеленые ящики с оружием и боеприпасами. А потом борт взял курс на Сирию – на главную базу российских Военно-космических сил Хмеймим.

И вот шасси коснулись бетона полосы. Самолет зарулил на самую дальнюю стоянку. Опустилась аппарель. И в лицо пахнул сухой, теплый, наполненный запахом авиационного керосина и свежих трав воздух.

На базе Хмеймим мы далеко не в первый раз. И, к удовлетворению своему, я отметил, что техники здесь стало больше. Слышался свист разогреваемых моторов, на посадку заходил фронтальной бомбардировщик «Су-24», за ним готовился приземляться истребитель «МиГ-29». Шла боевая работа, интенсивная и эффективная, по освобождению древней сирийской земли от разной нечисти.

Дальше все пошло как по накатанной. На полосе тихо, без помпы, деловито нас встретил координатор операции полковник Лукьянов – дотошный, как нотариус, нудный, как обманутый еврей, и надежный, как дубовый комод. Выгружались мы в самой дальней точке аэродрома, подальше от любопытных взглядов. Видеть наши лица и знать о нашем прибытии посторонним незачем. Секретность – одно из необходимых условий успеха. Второе необходимое условие в нашей ситуации – это чудо, поскольку по объективным оценкам вероятность нашего успеха бодро стремилась к нулю. Это знали наши командиры, но у них не было выхода. Они тоже надеялись на чудо.

Внутри фургона, который вез нас от самолета, голосили динамики проигрывателя:

Самолет заходит на посадку,
Тяжело моторами дыша.
Он привез патроны и взрывчатку,
Это для тебя и для меня.
Знайте же, ребята-мусульмане,
Ваша сила в том, что мы за вас.
И не нужно лишних трепыханий —
В бой ходить нам не в последний раз.

Я замечал в последнее время, как актуально зазвучали ныне старые песни Афганской войны. Это значило в том числе и то, что зазвенели снова в душе русского солдата те струны, которые одно время, казалось, замолкли навсегда...

Когда надо, наша контора работает очень четко. Оружие, информация, средства связи, координация – все было тщательно продумано. За два дня до нас прибыла группа технического обеспечения в десяток человек и с аппаратурой, которую можно спокойно внести в разряд научной фантастики. На этих ребят я сильно надеялся в нашем почти безнадежном предприятии, как чукчи надеются на шаманов.

Сутки у нас ушли на проработку деталей и согласование действий – от четкого взаимодействия зависело практически все. А затем нас выбросили с вертолета, и наши подошвы коснулись чужой земли.

Первоначально события развивались в нашу пользу. Мы добрались до условленной точки на территории, контролируемой Халифатом. При этом «легенда», которую нам соорудили в Центре, срабатывала безотказно. Нас пропустили все бандитские заслоны и блокпосты. Потом с нами вышли на связь представители Плешивого Ахмеда. Заверили, что желают нам тысячи лет безбедной жизни и всех милостей Аллаха. Вот только на все вопросы о личной встрече для обсуждения насущных дел отвечали уклончиво. И скорее нет, чем да.

Похоже, полевой командир не слишком жаждал с нами встречи. Хотя еще месяца два назад прибежал бы вприпрыжку. Это могло означать, что ему удалось найти источники подпитки. Значит, информация о его участии в спецоперации косвенно подтверждалась. Кураторы возобновляют сотрудничество обычно с того, что начинают подпитывать своего человека всем необходимым.

Но от спонсоров в Халифате отказываться не принято. Так что надежда на встречу у меня оставалась. И она оправдалась. Прибывший связной сообщил, что Плешивый Ахмед, величие и благочестие которого не вызывают ни у кого сомнений, готов с нами встретиться.

Вот так мы и оказались в его логове в Джуджале. Где и потекла витиеватая восточная беседа.

У меня было несколько заготовок, чтобы проверить, участвует ли Плешивец в готовящейся провокации, но все эти фокусы не привели ни к чему.

Когда я задвинул ему заготовленную нашими нейролингвистами фразу о том, чтобы поступиться принципами для приближения победы, Плешивый ответил мне яростным взглядом и объявил, что будет бить неверных до последней капли крови, но он, типа, свободный флибустьер и не потерпит, чтобы ему указывали, кого, где и как резать. Реакция была немножко странная и не совсем адекватная. Чего он так взбеленился? Закралась у меня одна мысль по этому поводу, проверить которую можно было только одним способом.

Исчерпав свой запас красноречия и не достигнув ничего, я перешел, как принято говорить в голливудских фильмах, к плану «Б».

Стремительно, как кобра, рванулся к Плешивому. И моя ладонь впечаталась в его подбородок...

Глава 3

Давно идут споры – а так ли нужно в десанте и спецназе обучение рукопашному бою голыми руками. Даже анекдот на эту тему есть. Для того чтобы вступить в такую рукопашку, бойцу необходимо потерять автомат, пистолет, штык-нож, саперную лопатку, гранаты и соответственно встретить точно такого же дятла с другой стороны.

Полностью согласен с такой постановкой вопроса. Современная война – это высокоточное оружие, вакуумные бомбы, артиллерия, бьющие на километр снайперские винтовки, боевые дроны. Это война на расстоянии... Вот только к нам это не относится. Потому что ювелирные диверсии, признанным мастером которых я, надо надеяться, являюсь, порой требуют именно этих навыков.

Настоящая рукопашка – это не красивые бойцовские стойки, серии отточенных ударов, крики «кия» и пафосные речи перед тем, как добить противника, уже словившего от тебя с полсотни плюх по голове и туловищу. Истинный бой – это один удар. И это очень быстро. На грани восприятия.

Точно выверенный по силе и направлению удар ладонью в подбородок отправил моего собеседника в глубокий нокаут, впрочем, без особого риска для жизни и здоровья. Его жизнь мне нужна. У меня на Плешивого Ахмеда большие планы.

А вот о жизни его бойцов этого сказать нельзя. Эти басмачи нам без надобности. Тем более для экологии Земли им лучше умереть и не коптить дальше небо.

Мои ребята, получившие отмашку, стали действовать стремительно и неотвратимо. И ничего, что у нас нет стволов. Это басмачам кажется, что они вооружены, а мы нет. Безоружны именно они. Потому что оружие, которое нельзя использовать, оружием не является. А если оружие может захватить и использовать враг – то это не твое оружие, а оружие врага. Да и оружием может являться любой предмет.

Мелькание фигур, вскрики, удары – глаз едва улавливал происходящее.

Улыбавшийся Утес, азартно демонстрировавший басмачам карточный фокус, не стирая с губ улыбки, молниеносным движением резанул краем пластиковой карты – это был туз бубей – по сонной артерии ближайшего персонажа. Одновременно нанес сокрушительный удар ногой по голени другого басмача, свалив его на пол, и рухнул коленом ему на грудь, добивая насмерть. Когда Утес вскочил на ноги, он уже был вооружен хорватским компактным девятимиллиметровым пистолетом-пулеметом «Аграм», так и не помогшим его жертве.

Князь выплеснул из чашки горячий чай в лицо стоявшего рядом боевика, в следующий момент сама пиала пушечным ядром угодила точно в лоб моджахеду у дверей. Конечно, повреждений сильных эта посуда не нанесла, но, разлетевшись о чугунный лоб басмача, на пару секунд вычеркнула его из ткущегося на глазах полотна боя. Князь, пружиной развернувшись и вскочив на ноги, рубанул ребром ладони по шее ошпаренного бандита, отправив в райские кущи к гуриям-девственницам, и рванул навстречу поднимавшему автомат боевику.

Бек тоже не терял времени. Своим острым как бритва фамильным кинжалом из дамасской стали, который басмачи у него сдуру не забрали, он полоснул по горлу своего бывшего соратника по чеченской войне против России. И тут же, резко обернувшись, метнул его в ближайшего автоматчика.

Боевая эффективность метательных ножей в народе сильно переоценена за счет голливудских фильмов. На самом деле при метании поразить противника в жизненно важные органы, да еще гарантированно вывести его из строя весьма проблематично. Мало у кого это получается. Слишком сложно и ненадежно. Но у Бека это получалось всегда. И лезвие ножа вошло в горло автоматчику.

Звуки ударов, вскрики – сейчас все зависело от стремительности. И тишины.

Тела падали. Души срывались с этой напоенной кровью земли и устремлялись куда-то в иные пространства, где им уготована уже другая судьба. Смерть собирала свою жатву. Моджахеды уже почти кончились.

Мы успели. Тоже почти...

Грохнул выстрел. И внутри у меня все замерзло. Наверное, такое же ощущение бывает, когда очень дорогая старинная ваза, задетая неловким движением, раскалывается на мелкие кусочки. Такое безнадежное чувство – нельзя уже ничего изменить, старинный фарфор превратился в гору ненужных осколков. Так и у нас почти сделанное дело разлетелось вдребезги, оставив после себя осколки неопределенности и смертельной угрозы.

Цена одного неправильно рассчитанного движения. Один из боевиков, прежде чем расстаться с жизнью, успел добраться до винтовки «М-16» и нажать на спусковой крючок. И этот выстрел сразу перевел ситуацию в совершенно иную плоскость. Вот так из охотников превращаются в дичь.

С лестницы донесся залиvistый вопль стоящего внизу на часах моджахеда. И тут же началось шевеление. Нехорошее шевеление.

Князь подскочил к двери в коридор и повернул ручку замка. Вовремя – тут же в дверь начали ломиться.

– Ахмед! – послышался взволнованный крик из коридора. – Командир! Кто стрелял?

– Я стрелял! – ответил я, мягко вдавливая спусковой крючок.

Китайский автомат Калашникова, который я подобрал на полу, выдал короткую очередь. И истошный визг возвестил о том, что пули не пропали даром.

Закрепляя успех, Князь повернул замок, распахнул дверь и кинул в коридор оборонительную гранату «ГТ» индонезийского производства – в углу их стояло три ящика.

Штука эта мощная. Ухнуло знатно. И осколки не оставили шансов на жизнь тем, до кого они добрались, впиваясь своим жестким железом в мягкую человеческую плоть. Очередь к гуриям выросла еще на пару воинов Аллаха.

Я быстро выглянул в окно и тут же отпрянул. Картину увидел совершенно однозначную – к дому со всех сторон сбегались моджахеды. Но самое хреновое, в нашу сторону разворачивался закрепленный в кузове «Тойоты Хайлюкс» крупнокалиберный пулемет.

Мы засветились. Хотели ведь уйти добром. Но добром уже не получится...

Стекла разлетелись – пулеметная очередь прошла поверх моей головы.

Действовать надо было быстро.

Я ударил по щеке Плешивого, надавил на биоактивные точки на его шее. Он замычал, приходя в себя, разлепил веки и посмотрел на меня, с трудом понимая, что происходит.

– Вставай, – еще раз хлестнул я его по щеке. – Или сдохнешь. Своим людям скажешь, чтобы выпустили нас из здания. Гарантирую тебе жизнь. Мы только поговорим с тобой и отпустим.

– Не верю! – с вызовом воскликнул он.

Конечно, он не верил. Сам бы Плешивый никого не отпустил, несмотря ни на какие клятвы. Неверного обмануть – Аллаха порадовать...

Еще одна очередь прошла потолок.

Куском отлетевшей штукатурки Беку поцарапало щеку, но он даже не заметил.

Из операционного зала вели две двери – одна в коридор, а следом на парадную лестницу, в фойе, к уцелевшим вращающимся стеклянным дверям. Но нам туда нельзя – там басмачей, как тараканов в придорожной столовке. А вот вторая дверь ведет на черную лестницу, по которой нас заводили сюда. И выход прямо на улицу.

Я кивнул Утесу – он все понял, распахнул дверь ногой и швырнул в проем гранату. Потом вторую – для закрепления эффекта.

– Идем! – кивнул я.

Гоня впереди Плешивого, прижав ствол к его шее, мы спустились по лестнице. На ступенях валялся труп. Еще один моджахед стонал, выкашливал кровь и молил о чем-то Аллаха. Князь, походя, рубанул ему прикладом автомата по шее.

Массивная входная дверь висела на одной петле. Я вышиб ее ударом ноги и толкнул перед собой Плешивого.

– Не стрелять! – заорал полевой командир. – Пропустите их!

Я просчитал его правильно. Больше всего Плешивому сейчас хотелось жить. И он знал, что эта его жизнь висит на волоске. Хитрый, крученный, он еще надеялся договориться. Понятно же, что нам от него что-то нужно. Значит, у него был шанс. А если не пойдет навстречу – шанса не будет.

– Пропустите их! – еще громче заорал Плешивый Ахмед.

Время утекало очень быстро. Его у нас почти не было. В отличие от моджахедов я прекрасно знал, сколько минут нам осталось.

Плешивый шагнул на асфальт – осторожно, будто перед ним топкое болото. Покачнулся, коснувшись ладонью ствола чахлой пальмы, украшавшей просторную площадь перед банком. Я шагнул следом...

И успел отшатнуться.

Дикий крик. И пулеметная очередь.

Плешивый рухнул на колени. Меня спасло чутье на неприятности. Я остался жив. Пригнувшись, сдал обратно, дернув на себя стонущего полевого командира. И упал вместе с ним на землю, пытаюсь таким образом спастись от стальных ос, прошивающих пространство вокруг нас.

Чеканно загрохотал крупнокалиберный пулемет. Я съежился – эта машинка спокойно пробивает насквозь кирпич. Но Плешивый к выбору здания для своего штаба отнесся ответственно – банковские стены выдержали попадание двенадцатимиллиметровых пуль.

Похоже, трудовой коллектив решил сменить руководителя. И Плешивый теперь не был нашим щитом. И самое хреновое, что он истекал кровью и сколько протянет – неизвестно. А нам он пока еще нужен. Очень нужен...

Я мог не глядеть на часы. Внутри у меня был свой будильник, и он показывал, что время истекает. И требуется решать все очень быстро.

Выход из здания нам закупорили. Пробиваться с боем через толпу моджахедов? Даже если это удастся – ведь чудеса случаются не только в кино, – часть группы останется здесь навсегда. И это меня не устраивало. Мы всегда из любой передраги возвращались все до единого. Даже когда шансов вернуться не было ни у кого. И сейчас нет повода нарушить эту добрую традицию.

Время. Секунда за секундой. Своим движением оно вносило поправки в сложившиеся расклады. И его ход можно повернуть в нашу пользу.

Мысли неслись вихрем. Пока не предстала четкая картина.

– Утес, прикрой нас! – приказал я. – Остальные в подвал!

Утес обосновался на лестнице, привычно выставив перед собой трофейный пулемет Калашникова китайского производства. Позиция у него была нормальная – мимо него никто не пройдет ни сверху, ни снизу. А от пуль укроют мешки с песком, которые моджахеды свалили здесь.

От небольшой площадки, где мы сейчас находились, шли ступени из искусственного мрамора вниз, в подвальное помещение. Там надежно хранились ценности и драгметаллы, с пола до потолка высились серые металлические банковские ячейки. Тяжелые двери в банковское хранилище были открыты. Рядом валялся часовой, которого задела осколками брошенной Утесом гранаты.

– Князь, помоги дотащить ублюдка, – приказал я.

Строители к поставленной задаче отнеслись серьезно, так что бункер у них получился нормальный, как и положено главному банковскому учреждению в радиусе сотни километров. Выкуривать нас отсюда можно долго. Выкурят, конечно, если у басмачей будет время и взрывчатка. Время – вот ключевой момент. Его нужно еще и иметь. А не то оно поимеет тебя, как сказал однажды Князь – главный балагур и охальник нашей теплой компании.

На лестнице заработал пулемет – Утес рубанул очередь по возникшим в дверном проеме силуэтам. Послышался дикий вопль.

Мы с Князем затащили Плешивого в бункер и устроили на полу, прислонив спиной к стене.

Бандит хрипел, по щекам струились слезы, глаза наполнены болью – прямо жалость и сострадание должен вызвать всем своим видом. Но вызывал у меня только одно желание – раздавить его как таракана. Но это еще рано. Его шкура для нас пока представляет ценность. Ради этой шкуры мы и затеяли данное показательное выступление и теперь заперты в подвале, окруженные беснующимися дикарями.

– Князь, осмотри пленного, – кивнул я моему заместителю и по совместительству медику группы.

Князь принялся оказывать помощь раненому.

– Недолго протянет, – сделал он вывод, произнеся это по-русски.

Услышав русскую речь, Плешивый как-то по собачьи взвыл.

С лестницы послышались еще очереди. Взрыв. Потом опять очередь. Нас решили потрамбовать ручными гранатами, но Утес скрылся за мешками с песком, его не задело, зато он угостил гостинцами рванувших внутрь моджахедов.

Бандиты отхлынули, получив ответку. И немножко успокоились. Понятно, решили, что нам от них никуда не деться, так зачем лезть напролом, рисковать, когда можно придумать что-то получше. Например, подкатить базуку или обложить дом взрывчаткой и взорвать его к шайтану. Они были злы. Твердо намерены довести дело до конца. И не собирались сильно торопиться. Они считали, что время работает на них.

А зря.

Я посмотрел на часы. И крикнул:

– Утес, двигай к нам! Закупориваем бомбоубежище!

Тяжелая дверь затворилась. Ну, все, теперь остается только молиться...

Землю тряхнуло. Она заходила ходуном. С потолка осыпалась штукатурка.

Приглушенный толстыми стенами грохот все равно бил по ушам.

Можно было представить, какой ад творился снаружи...

Глава 4

В приемной на видном месте висела пластиковая табличка с уведомлением «При входе выключить и сдать мобильные телефоны и другие электронные устройства». Совершивший это сакральное действие посетитель получал право толкнуть массивную резную деревянную дверь и шагнуть в алтарь храма бога войны Марса – то есть в кабинет министра обороны России.

В укромных уголках кабинета, обставленного тяжелой имперской мебелью, с неизменным Т-образным столом для совещаний, дубовыми панелями на стенах и тяжелыми портьерами, были натканы блоки системы «Пелена-РГ» и другие хитрые устройства, которые делали невозможным постороннее прослушивание разговоров при помощи всех мыслимых технических средств.

Министр обороны, немножко грузный, еще не старый человек, был чем-то похож на Будду своей невозмутимостью. Тактичный и вместе с тем негиблемо волевой, распространяющий вокруг себя флюиды власти, он нес на плечах неподъемный груз ответственности. Привстав с кожаного кресла и поприветствовав посетителей, он предложил им занять места.

Этим ранним утром, задолго до начала рабочего дня, министр собрал в своем кабинете начальника ГРУ Топилина и его верного заместителя Шабанова. Вид у всех был усталый. Заметно было невооруженным глазом, что эти люди давно не отдыхали и в ближайшее время не собирались – обстановка не позволяла. Страна вела боевые действия в Сирийской Арабской Республике (САР), ожидалось размораживание ряда региональных конфликтов в разных уголках планеты, а то и по соседству, которые в той или иной мере затрагивают интересы Российской Федерации. И для принятия важных государственных решений как воздух нужна была опережающая информация. А это значило, что разведчикам еще долго не видеть выходных и спокойных ночей.

– Вчера вечером я доложил президенту о возникшей проблеме, – проинформировал министр. – Сегодня в шестнадцать часов мне докладывать вновь. Хочу отметить, что руководитель государства относится к сложившейся ситуации очень серьезно. Последствия могут быть катастрофические, объяснять это тут никому не надо.

– Мы и так балансируем на грани ядерной войны, – угрюмо произнес генерал-полковник Топилин, барабанив пальцем по лежащему перед ним блокноту в красной кожаной обложке.

– И теперь получили хороший шанс эту грань перешагнуть, – кивнул министр.

– Точка бифуркации – камень в равновесном состоянии на вершине горы, который может покатиться куда угодно от дуновения ветра, – произнес генерал-лейтенант Шабанов, привыкший умничать в любой ситуации – эту привычку из него не смогли выбить тридцать шесть лет военной службы.

– Точно улавливаете суть момента, Родион Матвеевич, – кивнул министр. – События в Сирии развиваются непредсказуемо и опасно. Реагировать надо незамедлительно. Только вопрос – как?

– В крайнем случае, мы можем выйти на наших заклятых западных друзей, – предложил начальник ГРУ. – И порекомендовать воздержаться от опрометчивых шагов в Сирийской Республике.

– С какой конкретикой? – внимательно посмотрел на него министр. – Мы ничего не знаем об этой их операции. У нас нет доказательств. Нет ничего. Напомню, что один раз удалось пресечь агрессию коалиции в САР, когда президент договорился об уничтожении сирийского химического оружия. Сейчас договориться вряд ли получится. У наших оппонентов отказали тормоза. И принято принципиальное решение о выдавливании нас из Сирии и демонтаже там светского государства.

– Еще бы! Таким образом получают вечную дугу напряженности на Ближнем Востоке, – кивнул начальник ГРУ. – Они за такие пряники маму родную продадут.

– Кроме очевидных выгод, тут еще и человеческий фактор, – добавил Шабанов. – Некоторых деятелей в США и Британии приводят в неистовство обвинения в лузерстве, в том, что они проигрывают России по всем фронтам. Тут уже кое-что глубоко личное.

– Личные амбиции в политике порой не менее важны, чем стратегические интересы, – согласился начальник ГРУ. – Счастье, что наши противники – это политиканы западного толка, вынужденные лавировать, как лоцман среди рифов, учитывая множество интересов. Они удалят, когда будут точно знать – это нарастит их политический капитал. Теряя капитал, они теряют все. Они заложники правил. Им нужен повод для активных действий.

– Слабость западной демократии – там больше думают о предстоящих выборах, чем о пользе страны, – поддакнул министр. – Хорошо, что мне докладывать президенту сегодня?

– Проводятся все возможные мероприятия, – произнес устало начальник ГРУ.

– Я уже слышал от вас, Степан Климентьевич, что всю мощь наших спецслужб вы бросили на алтарь грядущей победы. Но скажите честно: что конкретно мы на сегодня имеем?

– Конкретно, – начальник ГРУ замялся. – Конкретно, группа «Бриз» заброшена на территорию противника. И начала работу.

– Командир подполковник Силин? – Министр в очередной раз продемонстрировал отличную память.

– Так точно, – кивнул Топилин.

– Не слишком ли это самонадеянно – полагаться только на них? Группа из пяти бойцов в самой гуще боевых действий, в тылу врага. Шальной очереди достаточно, чтобы прервать ее существование. И где мы тогда будем?

– Надеюсь, шальная пуля – это не про них, – уверенно произнес Шабанов...

– Насколько я слышан, бойцы «Бриза» прославились сверхъестественным везением, – прищурился с хитринкой министр.

– По-моему, в японской армии везение было одним из условий назначения на командные должности, – вновь привычно блеснул эрудицией генерал Шабанов.

– Кажется, этот Силин – выходец из проекта «Мандрагора», – задумчиво произнес министр.

– Да, один из «кудесников», – подтвердил Топилин.

– Вот черт, мистика все это, – нахмурился министр. – А мы вынуждены быть жесткими реалистами и скучными прагматиками.

– Конечно, мы не складываем все яйца в одну корзинку. На территории Сирии работают еще три разведывательно-диверсионные группы, – продолжил Топилин. – Кроме того, все наши более-менее приличные аналитики и агентурщики переключены на эту операцию. Но...

– Какие еще но? – вопросительно посмотрел на начальника военной разведки министр.

– У меня убеждение: если кто и добьется успеха, то только «Бриз».

– Убеждение, – заворчал министр. – Вера. Еще один колдун на мою голову... Прошу учесть, товарищи генералы, – провал нам не простят.

– Да мы его себе и сами не простим, – вздохнул Шабанов...

Глава 5

Тряхнуло еще пару раз. И все затихло...

Интересно, сколько стоят высокоточные бомбы, вываленные на этот небольшой городишко? Думаю, больше, чем все его окрестности с домами, машинами, мебелью и инфраструктурой.

Но не в деньгах счастье. А в том, что ракеты все-таки прилетели.

– Все, «Грачи» отбомбились, – я вытер рукавом просторной серой рубахи выступивший на лбу пот.

План с самого начала был шит белыми нитками, рассчитан на везение и почти провалился.

Но почти не считается.

Все-таки технологии теперь на войне – первейшее дело. То, о чем раньше писали фантасты, постепенно сбывается. Беспилотные самолеты наносят удары. Спутники наводят ракеты. Электронные устройства просчитывают все на свете, чтобы выдать единственно верное тактическое решение... Технологии – это сила! Когда басмачи отобрали у нас автоматы и гранаты, то упустили из виду скромный планшетный компьютер, от которого не отрывался Рад, всем своим видом демонстрировавший свою принадлежность к племени компьютерных идиотов – тех, которые минуту не могут прожить без своих электронных игрушек. Вот только он не развлекался, а работал. Хитрое устройство «ТК-11» стоимостью под сотню тысяч долларов США фиксировало окружающую обстановку, скидывая информацию на спутник, откуда та закачивалась в недра мощнейших компьютеров, а потом трансформировалась в соответствующие карты, координаты, направления ударов. Для меня, по сути своей дремучего гуманитария, все эти дела представлялись чем-то чудесным вроде магии. А Рад – это жрец.

В результате Центр получил координаты для ударов. Точнее, для ювелирных ударов.

Идея принадлежала мне, и такие же склонные к авантюрам руководители поддержали ее. По плану, мы должны были легендированно проникнуть в логово Плешивого Ахмеда и, если не удастся в ходе разведопроса вызнать у него ничего важного, пленить его, уйти из лагеря. Ракетно-бомбовый удар высокоточным оружием был призван отбить у басмачей всяческие мысли о преследовании. Перед ударом для отвлечения внимания российские бомбардировщики лениво уютжили позиции боевиков немного в стороне.

Мы имели несколько компактных маячков, которые теоретически не должны позволить точному оружию поразить нас. Но это теоретически. Весь мой боевой опыт свидетельствовал о том, что техника никогда не срабатывает на сто процентов. А нам за глаза хватило бы и одного процента.

Все было рассчитано по минутам. Когда на мой браслет был передан сигнал выхода самолетов на цель, мы начали действовать. Вот только карты смешали сначала случайный выстрел недобитого боевика, а потом нежелание басмачей выполнять повеление своего босса. Скорее всего, кто-то из людей Плешивого увидел прекрасную возможность вырасти по службе и стать главным.

Хорошо еще, что подвернулся подвал в качестве бомбоубежища, который дал нам шанс. Вот и посмотрим, удастся ли воспользоваться им в полной мере.

– Вооружаемся! – приказал я. – Быстрее!

Наше вооружение бандиты припрятали, но его было не жалко – стандартные стволы, хорошо пристрелянные, но подобранные так, чтобы не привлекать внимания. Зато в подвале, использовавшемся как склад оружия и боеприпасов, было много чего ценного – и ручные противотанковые гранатометы «РПГ-7», и пулеметы, и автоматы различных моделей, и цинки с боеприпасами. Для Утеса нашлась бельгийская снайперская винтовка, которую он принял

с подозрительностью. Ведь ее еще надо проверять и пристреливать, да и патроны редкие – надолго ли хватит нескольких коробочек. Он предпочел бы такие родные и близкие «СВД» или «винторез», но приходится брать что дают. Также в бомбоубежище мы нашли несколько ранее изъятых у нас светошумовых гранат – эти предметы иногда просто незаменимы в быту. Они лежали на железном ящике в углу, рядом с китайским противоракетным комплексом «Красная стрела», чья одиннадцатикилограммовая ракета способна продырявить танк на расстоянии до четырех километров. Саудиты эти комплексы закупали у Китая в огромных количествах и теперь щедро делились ими с террористами.

– Пленного с собой, – продолжил я. – Пошли.

Князь помог подняться Плешивому. Тот был плох – кашлял и истекал кровью. перевязка помогла ему слабо. Но жить ему хотелось, и он послушно передвигал ноги.

Входная дверь подвала открылась легко – значит, мы не погребены под рухнувшим зданием.

На лестнице в воздухе столбом стояла бетонная и песчаная пыль, пахло гарью. Я откашлялся и двинулся осторожно вперед. И вскоре шагнул на потрескавшийся асфальт перед входом в банк.

Да, пейзаж вызывал уважение к русскому оружию. Удивительно, как много могут сделать всего лишь несколько ракет, уложенных точно в цель.

Часть поселка ракетно-бомбовым ударом была стерта с лица земли. Глиняные приземистые здания просто сдуло смертельным ветром, от более крепких бетонных построек остались отдельные стены. Валялись срубленные пальмы. Дымился древний, еще советского производства, бронетранспортер. Два пикапа расплылись в неаппетитное месиво из расплавленного металла, ошметков человеческих тел и спекшейся массы протекторов. Везде валялись тела. В стороне кто-то выл белугой.

Мы настороженно оглядывались, пытаясь уловить опасные движения. Обольщаться не стоит. Салафитские крысы живучие. Наверняка многие зарылись по норам и уже готовы с присущим им бешенством кидаться на все живое. Поэтому медлить нельзя. Надо быстрее делать отсюда ноги.

– Командир, вон, – кивнул глазастый Утес, который обладал способностью с одного взгляда вычленять в окружающей обстановке все самое главное.

Впереди, за поваленным забором, стояла та самая темно-бежевая «Тойота Хайлюкс», с которой недавно лупили по нам из пулемета. Похоже, целая.

Ну, вот и шанс прокатиться с ветерком.

– Шевелись, пехота! – кивнул я.

В отработанном боевом порядке, прикрывая каждый свой сектор обстрела, мы припустили вперед. Бек тянул на себе норовившего все время рухнуть в пыль пленного.

Эх, только бы машина была на ходу!

Коротко рявкнул автомат. Это Рад срезал появившегося из-за развалин с пулеметом наперевес басмача. Тот рухнул, пробитый пулями, и отчаянно предсмертно заголосил.

И все закрутилось. Замелькали с разных сторон силуэты. Боевики приходили в себя после потрясения и контузий. Они видели чужаков. И готовы были рвать нас на части.

Много же вас, насекомых, выжило!

Впереди в развалинах возникло двое. Мой «АК» коротко, но внушительно загрохотал, и фигуры скрылись за изломанными бетонными блоками. Заработали автоматы моих спутников. В ответ послышалось истошное и такое до боли знакомое:

– Аллах Акбар!

Из развалин по нам врезали из пулемета. Тут и пригодилась бельгийская снайперская винтовка. Судя по тому, что Утес с первого выстрела свалил стрелка, пристреляна она была нормально.

Так, вперед, патронов не жалеть!

Князь, присев на колено, прикрывал нас, заставляя прятаться возникающих в развалинах моджахедов.

Чем хороша слаженная группа – не нужно никому объяснять, что делать. Так же как вода занимает весь сосуд, так и мы занимаем в бою оптимальное положение для эффективной работы. Князь прикрывал нас. Мы стремились к машине. Только бы она завелась!

Я ударил ладонью по капоту «Тойоты». Добрались!

Хорошая машина. Хорошая машина. Салон с двумя рядами сидений, в котором уместится вся группа. И еще кузов.

Рад распахнул дверцу со стороны водителя. Ключи, слава богу, в гнезде зажигания. Абреки их обычно не вынимают – вдруг водила погибнет, а нужно будет резко сматываться. Это соображение имеет свой резон. И сейчас сыграло нам на руку – у нас просто не было времени возиться с прямым зажиганием и выдергивать провода.

Двигатель уютно заурчал.

– Все в машину! – крикнул я, падая на переднее пассажирское сиденье.

Бек прыгнул в кузов, сразу же вцепившись в прикрепленный там на турели китайский пулемет «W-85» калибра 12,7 миллиметра. Остальные втиснулись в салон.

Князь, распластавшись на земле, палил в возникающих из развалин то тут, то там моджахедов.

Я прикрикнул:

– Сдай назад!

Рад вжал педаль газа, и машина двинула задним ходом.

– Князь, прыгай!

Князь вскочил и запрыгнул в движущуюся машину.

– Вперед! На всех парах! – крикнул я.

Рад газанул с видимым удовольствием.

В кузове загрохотал пулемет – Утес разобрался с ним, и теперь разносил из него укрытия, из-за которых пытались нас достать басмачи.

Машина вильнула, едва не провалившись в воронку от бомбы, потом завилела мимо ряда таких же воронок. Затем дорога пошла получше. И вот мы вырвались за границы городка, окраины которого были почти не затронуты бомбежкой.

В салоне было тесновато для пятерых, но терпимо. Двигатель работал как часы, колеса мягко шуршали, меряя километры. Почти новый, высокопроходимый, полноприводной, неприхотливый, надежный автомобиль – похоже, из тех самых злополучных американских военных поставок в адрес так называемой умеренной оппозиции, с которой у янкетов взаимная любовь до гроба на почве ненависти к законному президенту Сирии. Очень быстро штатовские вооружение, транспорт и снаряжение как-то сами собой откочевали, без злого умысла, понятно, от умеренных террористов к неумеренным – Халифату и «Джебхат Ан-Нусре». Понятное дело, все случайно получилось, никогда такого не было, и вот опять... Эти самые «Тойоты» с пулеметом в кузове – идеальные машины для той войны, которая ведется в этих краях. Эдакие гламурные правнучки тачанок бабки Махно.

Рад добросовестно давил на педаль газа. И наша «тачанка» неслась по асфальту мимо распаханых полей и виноградников. Мимо брошенных домиков за глиняными заборами и убогих щитовых построек. Мимо ферм, где еще теплилась жизнь, но люди поспешно скрывались в укрытиях, едва заслышав звук мотора. Мимо заброшенной придорожной кофейни, где на пороге сидел иссушенный южным солнцем старик. Мимо руин, в которых угадывалась автозаправка.

– Ушли, – нервно хмыкнул Князь. – Командир, вот все пытаюсь оценить масштабы нашей дурачности и теряюсь!

– Это ты к чему? – спросил я.

– Дуракам же везет. И прикинь, какую дурость нужно иметь при таком везении!

Рад хмыкнул, оценив изящный заход, и объявил:

– Это можно обсчитать математически. Если взять за константу...

– Давай рули, математик, – оборвал я начинавшийся привычный балаган этой сладкой парочки. – Что-то рано на вас смехуечки напали! Расслабились, щеглы...

И как в воду глядел.

Со стороны поселка, мимо которого мы проносились, появились две машины – зеленый замызганный корейский грузовичок с кузовом, плотно забитым моджахедами, и какой-то монстр на колесах неопределенной модели с двухместной кабиной без дверей и неизменным пулеметом в багажнике. Они пристроились нам в хвост.

Моджахеды в кузове грузовика махали руками и отчаянно голосили – похоже, призывали остановиться. Скорее всего, это часть банды Плешивого. Можно притормозить, конечно, и попытаться принудить атамана отослать своих орлов куда подальше. Но он в полубессознательном состоянии. Да и не факт, что нас отпустят. Так что пускай ищут дураков в другом ауле.

– Жми, Рад! – прикрикнул я.

– Дело нехитрое, – Рад вдавил педаль до отказа, и машина резко прибавила ходу.

Загрохотал пулемет с бандитского пикапа. Это был легкий «РПК», и его очередь ушла вправо. Правда, одна пуля все-таки расколотила наш задний поворотник, ну и ладно – дорожная полиция в этих краях давно вымерла естественным путем.

Басмачи в кузове грузовика начали задорно долбить в нас из автоматов и винтовок. Тоже пока, к счастью, безуспешно.

И тут заговорил наш крупнокалиберный аргумент. Утес выдал три короткие очереди, и грузовичок снесло с дороги, да так лихо, что он два раза перевернулся и встал на колеса. Даже не хочется думать, каково пришлось пассажирам.

Пикап начал резко отставать. Видимо, водитель решил не искушать судьбу.

Я перевел дыхание. Откинулся на спинке переднего сиденья. И почувствовал, что меня отпускает напряжение. Вот теперь мы точно ушли. Выжили. А Князь прав – дуракам везет.

Вот только Плешивый Ахмед все больше хрипит, кашляет кровью. Загибается, сволочь!

Если он сейчас откинёт копыта, то наши великолепные гастроли были зря. И моя выездная труппа отработала впустую. Конечно, стоимость высокоточного оружия из зарплаты не вычтут – это мне лет сто надо пахать, не покладая рук. Но обидно...

– Тормози, – приказал я. – Пора заняться делом.

«Тойота» съехала с дороги, уткнувшись массивным бампером в заросли кустарника. Мотор Рад не глушил.

Плешивого мы аккуратно вытащили из кабины и почти нежно усадили на сухую землю.

Я нагнулся над ним:

– Поговорим, брат?

– Шайтан твой брат, – прохрипел Плешивый. – Позор твое имя!

Он понимал, что умирает, и теперь уже не хотел торговаться – у него возникла идиотская мысль умереть с честью и попасть в райские кущи. И мне предстояло его максимально быстро разубедить в этом пагубном намерении.

– Не надо поэзии, – улыбнулся я. – Ахмед, ты сдохнешь без всякой чести. Твои люди пытались тебя убить. Свой долг ты не выполнил.

– Я зарезал много неверных. Меня будут помнить.

– Твои люди пустят слух, что ты предатель, чтобы оправдаться перед собратьями.

– Возможно и так, – Плешивый скривился. Видимо, он и сам подумывал о таком подлом раскладе.

– На тебе много грехов, Ахмед, – сказал я. – И самый главный, ты связался с гяурами, чтобы убивать мусульман. Из лучших побуждений, но это ничего не меняет. Это большой грех.

Он не ответил. Только застонал и бросил на меня взор, в котором мелькнуло какое-то победное чувство.

Черт, а ведь он все бледнее и бледнее. Князь снова перевязал его и вколол в вену содержимое шприца из прихваченной нами аптечки, но надолго басмача не хватит. Был бы здоров, я бы без проблем выцедил из него всю информацию, до последней капли, как путник в пустыне воду из бурдюка. Есть для этого средства и методы. Но сейчас не поможет ни химия, ни боль. Он уже одной ногой в могиле...

Нужно его расколоть. Сразу.

И вдруг меня как озарило. Как говорят наши военные – у меня есть мысль и я буду ее думать. Так вот думать ее у меня времени не было. И я, присев на колено рядом с Плешивым, как в Ледовитый океан со скалы бросился:

– А ведь ты отказался от их предложения, Ахмед... Почему?

– Потому что ты прав, – неожиданно спокойно произнес Ахмед, выпрямляясь и смотря мне прямо в глаза. – То, что они сказали делать, – это большой грех. Аллах мне не простил бы.

– Разве Аллах не прощает то, что сделано во имя его? – с насмешкой спросил я, понимая, что иду по грани и хрупкая ваза его откровенности может разбиться под напором моих грубых слов, но меня какая-то интуитивная волна несла вперед. Бывает так, что я ловлю эту волну, и, как правило, она возносит меня к успеху.

– Но только не тогда, когда цена – тысячи правоверных, детей и женщин. Аллах не принимает человеческие жертвоприношения. Джихад – путь борьбы с неверными, а не с единоверцами...

– Что тебе предлагали?

– Не знаю точно... Я лишь понял, что цена будет очень, очень велика.

Басмач закашлялся. Что-то он недоговаривал. Знал многое, что не хотел говорить даже перед лицом смерти. Ладно, это лирика. А проза в том, что он должен еще кое-что успеть нам поведать.

– Эти неверные отказались от своих задумок? – спросил я.

– Нет. Они пошли к другим. Они нашли самое грязное животное на свете.

– Кого?

– Песчаного Льва.

– Гаданфар Шараф эль-Дин? – уточнил я. – Имя одного из самых отмороженных полевых командиров с готовностью всплыло в памяти.

– Да. Он согласился. Он давно принадлежит им.

– Англичанам?

– Да... Со всеми потрохами он их.

– А ты?

– А я... А я уже ничей...

Он снова закашлялся. И прикрыл глаза.

– Когда это будет?

– Осталось немного дней. Они давно готовились.

– Как это будет?

– Не знаю. Не знаю...

Он обмяк – я видел, что жизнь вытекает из него, как вода из треснувшего кувшина. Потом усилием воли он вернулся в подлунный мир. И прошипел:

– Я тебе все сказал. Пообещай мне одно, гяур.

– Что хочешь?

– Когда будешь убивать Песчаного Льва, скажи, что это я отдал вам его. Я хотел бы видеть его лицо при этом. Но не смогу.

– Хорошо.

– Убей его... Убей...

Кровь потоком хлынула изо рта полевого командира. Плешивый дернулся, по его телу прошла судорога. И он замер...

Я поднялся на ноги. Огляделся. И кивнул Раду:

– Готовь связь с Центром. Нам есть что сказать...

Глава 6

Сколько же лет прошло с того момента, как по дороге на Баграм лейтенанта Топилина взрывной волной смело с брони БТРа и кинуло на камни?

Уже много позже, в Москве, он услышал песню:

Нет, Афганистан не сон, не обман,
Я память друзей не предаю.
Я вижу сквозь даль дорогу в Джабаль
И наш поворот на Баграм.
Ударил фугас, но Бог меня спас,
Не знаю, чужой или свой.
Над грудой брони смерть, повремени,
Я, кажется, снова живой.

И такая дрожь пробрала от этих слов. Будто про него спето. Именно в том месте все и произошло. Была и дорога в Джабаль. И груды брони. И странное ощущение, что должен был погибнуть, но получил еще один шанс, чтобы сделать в жизни что-то очень важное.

Это был 1983 год. Другая эпоха. Другая страна. Иногда начальнику ГРУ казалось, что все это было не с ним. Но есть такая особенность сознания – образы в памяти блекнут, воспоминания порой тускнеют настолько, что человек вообще не уверен, было ли все на самом деле или только привиделось. Однако вдруг заново старая рана, и будто молния высветит прошлое – картинкой, целостным ощущением, а то и почувствуешь снова холодное дуновение смерти, которая тогда прошла стороной.

То ранение Топилин пережил относительно легко и после госпиталя вернулся в строй. Но о той упругой взрывной волне, едва не забравшей его жизнь, все время напоминали боли в поврежденном позвоночнике. Он не любил сидеть за рабочим столом. Совещания ему давались тяжело, поскольку спина начинала нестерпимо ныть. Обычно ближайших помощников он выслушивал, развалившись вальяжно на диване в углу кабинета, предоставив собеседникам не менее удобное кресло. Мягкую мебель для своих кабинетов он всегда выбирал сам и с особой тщательностью.

Его заместителю генерал-лейтенанту Шабанову приходилось порой не один раз в день протирать это мягкое бежевое кожаное кресло, которое стало родным.

Вот так, удобно утонув в мягких подушках, в хмурый мартовский день руководители одной из мощнейших в мире разведывательных структур обсуждали последние данные по операции «Заслон».

– Ну что ж, твой Барс подтвердил звание заслуженного счастливчика вооруженных сил, – отметил Топилин.

– Как посмотреть, – поморщился Шабанов. – Сработали грязно. Источник информации оставил наш бранный мир раньше времени. Не успел сказать все.

Генералы между собой общались на «ты». Они знали друг друга со времен учебы в одной группе в Академии Советской Армии – так называлось военно-дипломатическое учебное заведение, готовившее сотрудников аппаратов военных атташе, а заодно и оперативников зарубежных резидентур ГРУ. В АСА принимали на учебу офицеров, имевших за своими плечами несколько лет добросовестной службы в войсках. В то время Топилин после окончания Московского высшего военного училища имени Верховного Совета, отличавшегося такой жесткой дисциплиной и муштрой, что им пугали курсантов других военных вузов, послужил в Закавказском округе и в Афганистане, получил контузию и орден Красной Звезды. Бесшабашный,

лихой, хулиганистый, но одновременно на удивление интеллигентный и начитанный Шабанов после Рязанского десантного училища тоже немало потопал по афганским горам, заслужил боевые награды и так сжился с войной, что дважды отказывался от замены. Вот эти два бравых боевых капитана сдружились за годы учебы в академии. После окончания они постоянно служили вместе в разных резидентурах – в Индии, Японии, Ливии, под прикрытием посольств, контор «Аэрофлота», внешнеэкономических представительств. При этом то один подчинялся другому, то наоборот. И вот теперь оба достигли максимальных высот в своей организации, и, надо отдать должное, вполне заслуженно. Топилин являлся отличным организатором и дипломатом, а несколько прямолинейный Шабанов был агентурщиком от бога, мастером оперативных комбинаций и фанатиком этого дела, а также очень неплохим аналитиком. Так что с руководством «Аквариуму» наконец-то повезло.

– Теперь мы наверняка знаем несколько моментов, – сказал Топилин. – Косвенно подтверждается версия о готовящемся массовом убийстве мирного населения.

– Можно и так трактовать последние слова полевого командира, – согласился Шабанов.

– Естественно, это преступление запишут в список зверств Сирийской армии, которой потакает Россия.

– Плохо, что ни способа, ни места совершения акции мы не знаем.

– Зато узнали кое-что другое. Главного исполнителя, – Топилин хищно прищурился. – Что у нас есть на него?

– Гаданфар Шараф эль-Дин по кличке Песчаный Лев. Фигура известная своими зверствами, показной набожностью и беспринципностью на грани фантастики. Сорок пять лет. Гражданин Бельгии. Родился в Ираке. Окончил университет в Манчестере, по образованию программист, даже работал по специальности в одной из инновационных компаний в Бельгии, подавал надежды.

Топилин взял протянутую ему папку с досье на Песчаного Льва. Итак, пятнадцать лет своей жизни этот террорист провел в Англии. Там попал в сети радикальных исламских группировок, а затем, поднявшись наверх в иерархии борцов за чистый ислам, стал затягивать в эти сети других. На него обратили внимание британские спецслужбы и сделали ему предложение о сотрудничестве, от которого тот не смог отказаться. В Европе ему позволялось многое, в том числе собирать вокруг себя стаи бешеных собак, которым в один момент сказали «фас» и кинули раздражать в клочья Ближний Восток. Похоже, тут имела место старая как мир история – спецслужбы искренне полагали, что руководят своим агентом и направляют его. Песчаный Лев считал, что сам использует спецслужбы в своих целях. И все были довольны. До поры до времени.

– Где-то пару лет назад тесное сотрудничество Песчаного Льва с кураторами из британской разведки дало трещину, – проинформировал Шабанов. – Поднявшись до крупного полевого командира, он вообразил себя больше никому ничем не обязанным.

– Думаю, ему убедительно разъяснили, что это заведомо проигрышная позиция, – усмехнулся Топилин.

– Ну да. В мире, где людей могут произвольно назначить или лидером национально-освободительного движения, или кровавым террористом, врагом демократии и огородным пугалом, тебе быстро объяснят, с кем можно ссориться, а с кем ни в коем случае нельзя, – кивнул Шабанов. – Думаю, Песчаный Лев все понял и решил реабилитироваться перед кураторами. А это возможно, только подписавшись на очень грязную работу. Видимо, в итоге он надеется получить свои плюшки и занять более значимое положение в Халифате.

– Хорошо, предположим, исполнителя мы знаем. И перед смертью этот Плешивый сказал правду, а не обвел вокруг пальца неверных, пустив их по ложному пути.

– Барс уверен, что Плешивый не соврал.

– Ладно, доверимся хваленной интуиции командира «Бриза». А что дальше? У нас есть оперативные позиции в окружении этого проклятого программиста-салафита?

– Агентура в окружении Песчаного Льва имеется у сирийских товарищей. Но я не уверен в ее эффективности. Ведь никаких сведений о готовящейся акции от нее не было.

– То есть агентурной подсветки у нас нет. И времени на внедрение и оперативные комбинации тоже нет, – подвел итог Топилин. – Что отсюда следует?

– Против лома нет приема. Нам остается только захватить Песчаного Льва и выбить из него информацию.

– По твоему тону я понял, что на этом тернистом пути нас ждут немалые трудности.

– Именно. Песчаный Лев помешан на своей безопасности. Никогда не ездит одним маршрутом. Всегда появляется на позициях внезапно. Передвигается в основном по территории, плотно контролируемой Халифатом. Конечно, рано или поздно мы его поймаем. Но поздно нас не устраивает, не так ли?

– Не устраивает, – кивнул Топилин.

– Мы сориентировали наши ДРГ, заброшенные на территорию Халифата, на получение информации о нем, его розыск и захват.

– Надеюсь, ты не забыл уведомить, что он нужен нам только живым.

– Соответствующий приказ имеется. Но, если честно, ситуация куда проще и категоричнее. Конечно, наши диверсионные группы в поиске, преисполнены энтузиазма, отлично подготовлены и готовы рвать зубами врага. Но реально наших оперативных и агентурных возможностей хватит только на один серьезный удар. И ближе всех к цели группа «Бриз». Ее боевая подготовка, вживаемость в местную среду неизмеримо выше, чем у других. Предлагаю сосредоточить все ресурсы на них. Будем наводить на цель Барса с его волкодавами.

– А что, эти ребята еще недостаточно засветились? – с сомнением произнес начальник ГРУ. – Такой шум подняли.

– Не думаю, что гибель Плешивого и его банды будет предметом какого-либо расследования. Эта шайка всем поперек горла давно стояла, даже их друзьям-салафитам. Так что грохнули – и ладно. А мы создадим «Бриз» железное прикрытие... Степан Климентьевич, поверь. Эти ребята уже взяли след. И они своего не упустят...

Начальник ГРУ задумался. Потом без особого энтузиазма кивнул:

– Ладно... Это какое-то Монте-Карло получается. Когда на рулетке все деньги ставят на одну клетку.

– Бывает, что это единственный способ получить достойный выигрыш...

Глава 7

Я положил ладонь на теплый камень древних стен. Прикрыл глаза, ощущая, как по телу пробегает горячая волна. На миг ощутил отголосок страстей и чувств, которые напивали эти стены больше тысячи лет. Здесь были и надежда, и отчаяние, и благоговение. И печать боли поверх всего. Недавней безумной боли и безмерного отчаяния...

Монастырь был небольшой, на полтора десятка монахов, и очень древний. Его окаймляли трехметровые крепостные стены из песчаника. Скромный храм, переживший полтора тысячелетия, напоминал обычный дом с островерхой черепичной крышей. Вычурная колоколенка, выкрашенная в голубой цвет, придавала ансамблю некоторую легкость – построенная в девятнадцатом веке, она являлась подарком русского царя Александра Третьего Антиохийской православной церкви, паствой которой являлось почти десять процентов населения Сирии.

В монастыре хранились уникальные книги и иконы – древние, почитаемые, некоторые были скрыты от посторонних глаз. Здесь, на благословенной сирийской земле, монахи пытались нащупать узкую тропинку между материальным и духовным миром, между людьми и Богом.

Монахи больше тысячи лет жили мирно и с мусульманами, и с язычниками, и с атеистами-материалистами. Их уважали и почитали все. Пролетели Средние века, эпоха Возрождения, мировые войны. Грозные завоеватели ступали тяжелой поступью близ этого вырванного из потока времени места. И, как правило, обходили стороной эти стены, не тревожа монастырский покой. До той поры, пока в двадцать первом веке не пришел Халифат. И монастыря не стало. Теперь это были пустые стены, в которых угас священный огонь.

Князь присел на колено, посмотрел на засохшие коричневые пятна, пропитавшие песок перед распахнутыми тяжелыми монастырскими воротами.

– Место казни, – отметил он. – Здесь божьи люди приняли страшную смерть.

Мчавшийся на своих чертовых «тачанках» мобильный отряд Халифата под настроение решил заглянуть сюда. Живых басмачи не оставили. С их точки зрения, они совершили воистину благое дело. Тот, кто не почитает Аллаха, притом только так, как этого требует ваххабитская вера, должен быть убит или стать рабом. Проповедники чужих религиозных учений должны быть однозначно уничтожены, а их имущество разграблено. Все просто, ясно и никаких нюансов.

– Это не мусульмане. Это дети Сатаны! – прошипел Утес, сжимая кулаки.

Мы прошли через ворота. Во дворике на каменных плитах тоже были засохшие коричневые следы крови. Месяц с момента казни здесь не было дождей. Они хлынут и смоят эту кровь. Но сейчас казалось, что она будет здесь вечно, как напоминание о жутком и совершенно противоестественном человеческой природе действе. Утес прав – это могли сотворить лишь люди, чью душу сожрали демоны...

Направив сообщение в Центр, я ожидал дальнейших указаний. Вариантов было два – эвакуация, если руководство считает, что свою часть задания мы выполнили. Или новое целеуказание, приказ доделать работу. Второй вариант меня устраивал больше, поскольку я не любил оставлять недоделанные дела.

Какое решение по нам принял Центр, так и не было ясно. Нам велели выдвигаться на точку, где можно спокойно отлежаться, и там ожидать приказа. Путь наш пролегал немножко в стороне от знаменитого монастыря.

Зачем я приказал свернуть сюда? Набраться ненависти? Нет, мы и так прекрасно знаем, с какой чудовищной силой сражаемся. Но я просто не мог проехать мимо. Может быть, эти вибрации разрушения, исходящие от нашего врага, помогут лучше понять его суть. Понять дракона, мечтающего утвердиться на этой земле на века. И вогнать ему осиновый кол в глотку.

Мы вошли в гулкое, пустое помещение монастырского храма. Пули изуродовали древние фрески. Осколками от гранат были посечены колонны, резная конструкция царских врат, алтарь. К стене была прислонена большая икона Спасителя, и в самом ее центре зияли пулевые пробоины – древний мудрый лик использовали как мишень. В углу были свалены обугленные старинные книги. Но костер из них не задался и потух сам собой.

Большая часть икон из иконостаса была выломана. Разграбление культурных ценностей и их реализация на западном «черном рынке» с самого начала были одной из видных статей дохода Халифата. Тут с басмачами могла соревноваться только американская военщина, знатно поживившаяся древними артефактами в Ираке. Ну что же, у них одна школа...

Князь взял обугленный фолиант и стал его перелистывать. При этом пальцы его подрагивали. Потом он осторожно положил его на скамейку. И перекрестился истово.

Когда мы вышли из храма, я видел, что лицо его окаменело.

Для справки: Князь по гражданской специальности востоковед. При этом фанатично влюблен в эти земли, в историю, памятники культуры. Влюблен в народы, которые здесь проживают, в их обычаи, мировоззрение. Давно уже он рассказывал нам с придыханием об этом монастыре – оплоте христианского духа, одном из тех, что никогда не дадут погаснуть лампаде христианской веры. И вид разбитой святыни ударил его в самое сердце.

Мертвых тел нигде не было видно. Вряд ли бандиты были озабочены похоронами. Эти нелюди могли просто вывезти убитых и бросить их в горах.

– Пусть ждут ответки, шакалы, – произнес Князь угрюмо. – Сегодня счет к ним потяжелел очень сильно.

Да, счета все растут. Нужно только, чтобы была возможность выставить их и заставить оплатить по высшему разряду. А для этого надо шевелиться.

– Пора! – прикрикнул я...

«Тойота» тронулась с места. В салоне царило подавленное молчание.

Мы привыкли ко всему. И нас не назовешь впечатлительными людьми, но сейчас каждого из нас будто тянула к земле тройная сила притяжения. Все-таки осквернение святынь, святотатство – это действие, обладающее настолько мощной темной энергетикой, что оно может раздавить человека.

– Вурдалаки идут к успеху. Храм за храмом – так и отформатируют всю историческую память, – прервал молчание Рад, крутящий баранку. – И будет тут одна загрузочная программа – исламский фундаментализм.

– Это не ислам! – горячо возразил правоверный мусульманин Утес. – Это собачье бешенство!

– А ведь уничтожено еще одно сакральное место, – продолжил Рад. – Мне кажется, эти макаки отлично знают, что делают. Испокон веков люди искали энергетические места силы, откуда ближе до Бога. И строили там храмы. Теперь варвары их сносят. Идет целенаправленное разрушение цивилизации и духовности. А дальше – привет, пещеры.

– Ничего они не уничтожили, – уверенно произнес Князь. – Монастырь возродится. Только сначала мы выметем отсюда весь мусор.

– Выметем, – кивнул я. – Чего все скисли?! Рад, не спи за рулем. Прибавь хода. Мы выходим из графика.

Все виденное нашло свое место в какой-то ячейке моей памяти. Я этого не забуду никогда. Но и горевать времени нет. Впереди выполнение задания. И нам оставалось проехать еще два десятка километров до пункта назначения...

Глава 8

Машина крутилась по узкой дороге среди поросших колючкой красноватых холмов и камней. Мартовский жесткий ветер поднимал песок и гнал вперед шары перекасти-поля, бегущие по иссушенной земле весело, как футбольные мячи по стадиону. Постепенно растительности становилось больше. И вдруг природа взорвалась зеленью.

Мы въезжали в долину, которую рассекала быстрая река с десятками ответвлений притоков и каналов. Почвы здесь очень плодородные, и при орошении все расцветает пышным цветом. Затаившаяся жизнь ждет живительной влаги, чтобы показать свою мощь.

Земля была расчерчена зеленеющими полями, финиковыми плантациями. То тут, то там были видны белоснежные домики и серые хозяйственные постройки, сооруженные из камней и валунов.

Все население этого района жалось к реке и занималось земледелием. Местные племена отличались замкнутостью, с официальными властями у них отношения были всегда по типу: «Мы вас всех любим, но держитесь от нас подальше». Теперь эти земли находились под контролем Халифата. Но басмачи бывали здесь набегами, основные свои гарнизоны держали южнее, в городах. Это было нам на руку – пока мы продвигались вперед беспрепятственно, не натываясь на заслоны, блокпосты и засады. Один раз только пересеклись с колонной бензовозов, которые сопровождали желтый бронированный «Хамвэй» и два пикапа. Слава богу, разошлись краями – тихо и мирно. У каждого своя дорога, и выяснять, кто есть кто, желания ни у кого не было.

Мы на скорости проскочили небольшой поселок из десятка одноэтажных домиков и хозяйственных построек. Все было сожжено дотла. Судя по всему, тут новые власти наглядно объяснили жителям свою политику.

Дороги стали ветвиться, и Князь, державший в руках компьютерный планшет с системой спутниковой ориентации, указывал Раду, куда вертеть руль.

«Тойота Хайлюкс» резко подпрыгивала на неровностях дороги, но бежала бодро – двигатель и ходовая часть были в отличном состоянии. Чего не скажешь о салоне – пластик исцарапан, обивка сидений местами порвана. Пахло застарелым моджахедским потом, бензином и какими-то травами – туго набитый ими мешок лежал за задним сиденьем, и Бек уверял, что они целебные. Весь салон был завешан амулетами, на зеркале заднего вида болтались четки – это типично для таких шахид-машин, чьи водители обычно до крайности суеверны.

Я извлек из бардачка и пролистнул брошюру, в которой популярно излагалось ваххабитское виденье ислама. Грамотным бойцам Халифата выдавали такие книжечки, а на вечных политинформациях те же истины вбивались в голову и неграмотным. Зачем басмачу Коран? Книга эта толстая, да и некоторые фразы пророка могут вызвать когнитивный диссонанс, поскольку приходят в противоречие с такими вот брошюрками. «Аллах не любит злодействующих», «истинные мусульмане те, кто сдерживает гнев и являет снисходительность к людям». Ну куда это годится? Нет, спокойнее, когда моджахед читает брошюру. А еще лучше пусть ничего не читает, а только слушает муллу и командира...

Мы обогнули очередной холм, на вершине которого проемами бойниц устало смотрела на вечное мельтешение человеческих существ полуразвалившаяся крепость античных времен. У подножия холма раскинулась ухоженная ферма с просторным двухэтажным домом. На огороженной проволочным ограждением территории был парк техники, виднелись сеялка, трактор, старый грузовичок, два мотоцикла. Да, хозяйство из богатых. Как только все это уцелело?

– Приехали, – уведомил Князь, когда наша машина остановилась перед деревянным шлагбаумом, заменявшим ворота. – Нежданный гость хуже татарина...

Я распахнул дверцу и ступил на землю.

Тут же нас обступили люди – дети, молодые ребята, женщины. У меня возникло ощущение, что со стороны одной из построек на нас смотрит ствол чего-то смертельно-огнестрельного.

Появился хозяин этого имения – важный, полнотелый и статный, в длинной, до шиколоток, серой бедуинской рубахе и шароварах. Его борода была седа, а голос глухой и глубокий. Это был Зейдар аль-Мухтар – тот человек, который даст нам убежище. Во всяком случае, я на это надеялся. Но пока он по отношению к нам был насторожен, неприветлив и напуган.

После произнесения положенных в таких случаях паролей и отзывов он расслабился и выдохнул с облегчением:

– Да будет мой дом вашим домом. Загоняйте машину на территорию...

Ближе к вечеру был щедрый прием гостей. Мелькали за нашими спинами женщины и девочки, разнося еду и напитки. Стол ломился от обильных яств. Домашние лепешки, которые готовились во дворе в глиняной печи с овальной топкой, просто таяли во рту. Отменно были состряпаны и пшеничная каша бургуль, политая оливковым маслом, и ляхм-мигиви – баранина, жаренная на вертеле, и овощи, фаршированные мясом.

– Вот он какой, праздник живота, – объявил Рад, уминая лепешку с бараниной.

Текла неторопливая доброжелательная беседа. Миром овладел хрустальный теплый покой, когда на небо высыпают мириады дальних светил, и ты чувствуешь себя песчинкой перед лицом бесконечного звездного мира.

Вот только полностью разомлеть права у нас не было. Мы нашли лучшую точку для наблюдения за окрестностями и определили порядок дежурства, хотя хозяин имения и заверял, что бандиты сюда не сунутся – у них договоренность.

– Мы им заплатили звонкой монетой, – пояснил Зейдар, сыто оглядывая стол. – Бандиты сказали, что они теперь новая власть.

– Давно они здесь? – спросил я.

– Первый раз пришли года полтора назад. Объявили, что освободили нас от проклятого владычества ненавистного президента. В городе как раз была свадьба. Командиру боевиков понравилась невеста. Он сказал три раза «Аллах Акбар» и забрал ее себе. Больше ее никто не видел. Потом они расстреляли несколько человек. Мы никогда не любили президента, но при нем мы могли говорить, могли не только просить, но и требовать. Сейчас лишнее слово – это смерть.

– Им недолго осталось, – заверил я.

– Хорошо, если так. Мы уже и не надеялись на лучшее. У нас было чувство, что шайтан пришел навсегда. И что спасение только на небесах.

– Кто-нибудь из местных поддерживает их?

– Мало кто. Только самые нищие и никчемные бездельники. Бандитам люди не верят. Бандиты прикрываются исламом, но не знают Коран. Или трактуют слова Пророка так глупо, что с ними смешно спорить. По сути, они просто хотят грабить и властвовать. Их Халифат – это пустышка. Только потомки Пророка Мухаммеда могут быть халифами, а не самозванцы. Значит, в основе ложь. И всем это известно!

– Но кто-то верит им.

– Со всего мира они собрали тех, кто любит грабить и убивать. Им не нужен Пророк. Им нужно убивать. Они во власти смерти. Единственный их бог – смерть. Они служат ему. Готовы убивать. Готовы сами погибать. Смерть наполняет их силой.

Постепенно мы втянулись в этот тяжелый разговор. Хозяин имения одно время был муллой, потом отошел от этого, посвятив себя сельскому хозяйству и бизнесу, в чем преуспел. Дискутировать он любил не меньше, чем сладко трапезничать.

– А как получилось с монастырем? – спросил я.

Зейдар помрачнел. И рассказал, что басмачи три недели назад приехали на нескольких машинах в расположенный рядом городок Шаххат на несколько сот жителей. Согнали горожан на базарную площадь. Расстреляли нескольких человек для острастки. Притом в жертвы безошибочно выбрали тех, кто открыто высказывался против Халифата или имел связь с государственными органами – это означало, что в городе у них были глаза и уши. Потом взяли самых уважаемых людей, среди которых был и Зейдар, и повезли в грузовике к христианскому монастырю. Там на их глазах расстреляли монахов, возвестив, что отныне эта земля истинной веры, больше нет места компромиссам, и кровь должна смыть скверну. И запретили трогать трупы – их должны обглодать дикие животные.

– И что дальше? – спросил я.

– Эти шайтаны уехали, забрав из храма все ценное. А мы похоронили монахов со всеми почестями. Когда в монастырь вернутся христиане, они проведут обряд как положено.

– И вы не боитесь, что бандиты спросят с вас за самовольство?

– Мы всего боимся, – горестно вздохнул хозяин имения. – Но мы должны были это сделать. Мы слишком уважали этих людей, пусть у нас и разные вероисповедания...

На ферме в ожидании приказа мы зависли на долгих три дня. Получили возможность расслабиться, как солдаты, которые используют каждое мгновение, чтобы поесть и поспать.

Мы и расслаблялись, пользуясь щедрым гостеприимством хозяев. Кормили нас от пуза. Особым номером программы было свершаемое Зейдаром священнодействие приготовления кофе с помощью старинного кофейного прибора. И по традиции поздним вечером хозяин предлагал нам на сон грядущий отвеживать арак – крепкий финиковый спирт, настоящий на анисе.

В общем, устроились мы неплохо. Жить бы так и жить в экзотическом месте. Благо, погода стояла благодатная – днем не жарче двадцати трех градусов. Прямо курорт.

Хотя, конечно, никакого курорта не было и в помине. А было растущее нервное напряжение. Недаром говорят, что лучше быстрый бой, чем долгое ожидание боя. Но спецназ умеет ждать. Это один из залогов выживания и успеха в нашей хитрой беспокойной профессии. И мы терпеливо ждали.

Почему все-таки молчит Москва? Мы готовы перетрясти здесь все, чтобы выполнить задание. А она молчит... Но у Москвы свои резоны.

В имении жила большая семья – сыновья, племянницы и племянники, сестра Зейдара, еще какая-то малопонятная его родня. Все мельтешили, вращались. Глава фамилии объявил осадное положение – то есть попросту запретил своим близким выходить без особой необходимости в город, чтобы кто-нибудь сдуру не проболтался о странных гостях.

Одним прекрасным ранним утром сам Зейдар заправил свой вызывающе-красный, расписанный изящным орнаментом мотоцикл «Кавасаки», пожелал мне хорошего дня и отправился по своим делам в Шаххат. Надо отметить, рассекал он по дороге азартно, с ветерком.

А где-то через час мы услышали отдаленный взрыв.

– Со стороны городка, – определил Князь.

– Точно, – кивнул я, ощущая, как во мне нарастает беспокойство. – Так, гвардейцы кардинала! Боевая готовность номер один.

Группа пришла в движение. Ребята приводили в порядок оружие, занимали заранее подготовленные позиции, всматривались вдаль, где в любой момент могла возникнуть колонна с проклятыми «тачанками». Мы их, конечно, встретим, честь по чести. И, может быть, даже выживем. Но это было нам совершенно ни к чему.

Послышался нарастающий стрекот.

Утес навел ствол крупнокалиберного пулемета, приготовившись открыть огонь.

Из-за холма появился красный «Кавасаки».

И я с облегчением перевел дыхание. Это возвращался Зейдар. При этом он со всей дури жал на газ, будто за ним гнались черти с вилами.

Зейдар резко затормозил, бросил мотоцикл на землю и подбежал ко мне с криком:

– Они вернулись!

– Кто?

– Те самые, шайтаны! На ком кровь монахов.

– Что хотят?

– Они пришли мстить...

Глава 9

Между двумя небольшими городами когда-то были центр технического обслуживания сельхозтехники и склады запчастей, принадлежащие французской корпорации «Мир-Экопродукт». Но сейчас от былой роскоши и европейской организации быта и труда остались одни воспоминания. Полтора года назад по этим местам прокатились горячие бои, и Халифату удалось выдвинуть из техцентра, служившего оборонительным укреплением, правительственные войска. Моджахеды при штурме потратили немало снарядов и взрывчатки. Так что теперь на территории осталось совсем немного целых сооружений. Развалины выглядели достаточно злое. Уцелевшая техника была тут же растащена, разукomплектована, а сожженные остовы тракторов и сепараторов напоминали абстрактные скульптуры, которыми Песчаный Лев в свое время налюбовался в европейских столицах. Но все равно некоторые здания и складские помещения уцелели и теперь использовались моджахедами для различных целей. Место удобное – сюда вела хорошая асфальтированная дорога, но вместе с тем оно было на отшибе, в отдалении от любопытных глаз.

Песчаный Лев прибыл сюда на рассвете. Ему сообщили, что груз на месте. И он захотел убедиться в этом лично. Он всегда убеждался во всем лично. Поэтому до сих пор жив, а те, кто, приобретя власть, начинал наслаждаться ею и пренебрегать своими обязанностями, давно уже на том свете.

Дверцу «Форда Фургона» телохранитель предупредительно распахнул, Песчаный Лев шагнул на асфальт и гордо выпрямился. Он был невысок, приземист, горбонос, с курчавыми волосами – внешность блеклая, непримечательная. В отличие от большинства абреков его щеки были чисто выбриты – это его традиция, он подчеркивал всегда европейские корни и был готов вырвать кадык тому, кто предъявит ему по этому поводу претензии. Но желающих связываться с ним не находилось. На нем ладно сидел песчаный камуфляж британских коммандос.

От одноэтажного кирпичного здания со снесенной крышей отделилась фигура человека в восточных одеяниях, которые, впрочем, вряд ли кого могли обмануть – ведь явно европейское лицо не скроешь. Однако арабским языком человек владел безукоризненно и до тонкостей знал туземные обычаи и нравы.

Они приветствовали друг друга как можно более почтено.

– Мир вам и милость Аллаха, – сказал Песчаный Лев.

– Мир вам, милость Аллаха и Его благословение, – в тон ответил европеец.

Как положено, они поинтересовались здоровьем друг друга, здоровьем и благосостоянием родственников.

Европеец являлся подданным Британской короны, происходил, похоже, откуда-то из Северной Ирландии и не раз с честным видом утверждал в разговоре, что десять лет назад принял ислам как самую милосердную и перспективную религию. Он просил называть его Джорджем, хотя таковым никогда не был. Песчаный Лев прозвал его Локки – так именовали разрекламированного Голливудом скандинавского бога огня, хитрости и коварства.

– Мне сказали, что драгоценный груз на месте, – произнес Песчаный Лев, оглядывая территорию техцентра.

– И тебя не обманули, – заверил Локки и указал рукой в сторону покореженных взрывами, но выстоявших бетонных складских помещений, где когда-то хранились ящики с разобранными тракторами.

– Пошли, – кивнул Песчаный Лев.

На складе хватило места для двух длинных фур со смертоносным грузом. Локки не обманул. Все было на месте.

Проводя пальцами по металлическим обводам грозного оружия, Песчаный Лев ощущал, как потусторонняя мощная энергия разрушения наполняет его. С воодушевлением он думал о том, что эта сила мечтает вырваться наружу. Неважно, против кого она будет обращена. Главное, она будет подчинена ему!

В другом складском помещении стояла старая, слегка помятая, но еще грозная бронемашина. Наверное, немалых трудов стоило перетащить ее через все границы.

– Все-таки русские умеют делать оружие, – с долей зависти произнес Песчаный Лев, оценивая красоту советской бронетехники.

– Все просто и примитивно, – с легким раздражением возразил европеец. – Как молоток.

– Не скажи, уважаемый. Красиво, просто и эффективно. Они умеют создавать оружие. А мы умеем его использовать.

– Больше они не умеют ничего, – презрительно скривился европеец. – Беспольный народ, чудом уцелевший в жерновах истории. И осмелившийся бросить вызов силам, превосходящим все их воображение.

– Ничего, очень скоро придет время, и эти жернова истории перемелют северных варваров.

– Вот в это я верю, – удовлетворенно кивнул Локки.

– Конечно же, они обречены, – говоря это, Песчаный Лев кривил душой.

Главное, за что он недолюбливал своих партнеров – это за тупую прямолинейность, упрямство и напористость. Они многое недопонимают от своей самоуверенности, и это их рано или поздно погубит. Вот и сейчас в словах Локки сквозило самовлюбленное высокомерие и элементарное непонимание ситуации. А ведь Халифат и русские – это именно те, кто будет биться за планету, когда Европа будет дымиться развалинами. Но спорить с европейцем не входило в планы Песчаного Льва, и поэтому он говорил лишь то, что хотел слышать собеседник.

Они прошли в подвал кирпичного дома, где были разложены карты, а на столе стоял раскрытый ноутбук. Охранники остались снаружи, так что партнеры могли пообщаться с глазу на глаз, без лишних ушей.

– Когда вы планируете оросить слезами Аллаха эту землю? – спросил Песчаный Лев.

«Слезы Аллаха» – так назвали в далеком европейском городе готовящуюся операцию.

– Нам нужно несколько дней на подготовку. И вы должны быть готовы, – сказал европеец.

– Мы будем готовы.

Они углубились в обсуждение деталей. На столе появились чай и восточные сладости, а также острое вяленое мясо.

– Ты слышал о Плешивом Ахмеде? – неожиданно перевел разговор на другую тему Локки, пережевывая лепешку с острым мясом.

– Не слышал. И не хочу, – нахмурился Песчаный Лев. – Его нет больше для меня.

– Его вообще больше нет.

– Что?

– Он погиб.

– Это... – запнулся Песчаный Лев. – Это ваших рук дело?

– Ну, зачем приписывать нам чужие заслуги? Лагерь Ахмеда был позавчера стерт с лица земли ударом русских бомбардировщиков.

– Так и должно было быть, – кивнул Песчаный Лев. – Это Аллах его наказал за то, что он не мог пожертвовать своими предрассудками ради общего дела. Он отказал мне. Мне!.. Но мы нанесем удар и без него. И мы достигнем своего.

– Обязательно, – кивнул Локки и улыбнулся как-то по-змеиному. – Смею надеяться, уважаемый Гаданфар, что в минуту триумфа ты не забудешь тех, кто в меру своих возможностей помогал вам.

– Не забуду.

– Потому что идти нам еще рука об руку долго. И без светильника, освещающего путь, так легко не увидеть пропасть и споткнуться.

– Я все понимаю.

– Рад, что ты наконец понял все. И обратного пути уже не будет.

– Я сделал выбор. – Полевой командир бросил на европейца недобрый взгляд. Но хоть прожги его взором, как лазерным лучом, ничего не изменится. Потому что он во всем прав. И Песчаный Лев окончательно станет их рабом. Но оно того стоит. И власть их не вечна. Она кончится гораздо быстрее, чем думают мудрецы из спецслужб.

«Жернова истории, о которых ты так любишь говорить, самодовольный индюк, перемелют и вас. И в них хрустнут твои изнеженные косточки. И я этого дождусь», – подумал про себя Песчаный Лев, но внешне ничем не выдал эти мысли, а только расплылся в учтивой улыбке.

Они закончили с трапезой, не забывая поддерживать вежливый и теперь уже совершенно пустой разговор. Потом обсудили положение, складывающееся на войне. Оно было не в их пользу, но европеец с нажимом твердил – когда падут слезы Аллаха, все изменится. Победа не за горами. Победа. Сладок же ее вкус. Гораздо слаще дыни и халвы.

В помещение зашел двухметровый бородатый верзила в просторных голубых одеждах, перепоясанный ремнями, на поясе его висели деревянная кобура с русским пистолетом Стечкина и ножны с американским боевым клинком «M9-Bayonet» – без холодного оружия моджахеда и моджахедом считать грешно. Верзилу звали Ширвани, он числился главным телохранителем и доверенным помощником Песчаного Льва.

– Нет мне прощения, что я нарушаю ваш покой, – почтительно поклонившись, произнес он. – Но возникло неотложное дело, требующее вашего мудрого решения.

– Ширвани, когда ты будешь говорить по-человечески? – покачал головой Песчаный Лев. – Мы на войне. Доклады должны звучать коротко и четко.

– Мои люди поймали лазутчиков.

– Лазутчиков, – удивился и обеспокоился Песчаный Лев.

А Локки побледнел и резко кинул:

– Кто такие?!

– Секретный дозор снял их с горы, где они рассматривали нас в бинокль. Их трое.

– Они живы?

– Да. Они даже не сопротивлялись. И говорят, что такие же моджахеды, как и мы.

– Такие же? – недобро прищурился Песчаный Лев. – Веди их сюда.

В подвал затолкали троих боевиков в пропыленном камуфляже – все они были как на подбор тощие, жилистые, низкорослые и бородатые. Один дышал со свистом, кривясь от боли – видимо, ему повредили ребра. Лицо другого было в крови. Явно они принадлежали к какому-то отряду Халифата или «Джебхат Ан-Нусры». Или, что для них куда хуже, к правительственной армии.

– Вы кто? И почему следите за нами? – спросил Песчаный Лев.

– Мы из отряда Старого Омара, – произнес боец с окровавленным лицом – судя по манере держаться, в группе он был за главного. Смирненно склонив голову, он добавил: – Мы союзники, уважаемый Гаданфар, да продлит Аллах твои годы.

– Старый Омар. Даже так, – Песчаный Лев криво улыбнулся – получается, старый Омар, этот тупой оборванец, выявил его базу. – Что вы делали здесь?

– Местные жители сказали, что видели подозрительных людей в этих местах. Омар приказал проверить и убедиться, что это не правительственные военные. Нас послали на разведку.

– Долго искали?

– Полтора дня.

– И я должен тебе верить?

– Я говорю правду. Выйди на связь с Омаром, он подтвердит, что мы его люди и преданы общему делу, как никто другой.

– Вы сообщили ему о нас?

– У нас кончилось электричество в радиостанции. Но это неважно. Мы увидели, что здесь не прислужники проклятых гяуров, а воины джихада. И эта истина греет мое сердце.

– Хорошо, – кивнул Песчаный Лев и приказал Ширвани: – Накорми их как можно лучше. Это наши гости. Дай кальян или что они попросят.

Ширвани бесстрастно кивнул и приказал, чтобы пленников вывели.

Песчаный Лев подал ему знак, чтобы он остался еще на пару слов.

– Будут еще приказы, почтенный господин? – спросил Ширвани.

– Да. Лично проследи, чтобы гостей приняли как положено по священным законам гостеприимства. И накормили хорошо. Как бы ни был бесполезен Старый Омар, он наш друг и соратник.

– Я сделаю это, – кивнул Ширвани.

– Накорми, напои, дай насладиться дымом гашиша. Они заслужили это.

– Хорошо.

– А потом убей их. Они видели слишком много!

– Я их убью, – так же невозмутимо произнес Ширвани.

– Да будет так...

Глава 10

Спецназер – это человек жестокий, прагматичный и напрочь лишенный сантиментов. Принято считать, что мы некие биороботы, которые шагают по черепушкам врагов, оставляя горы трупов за спиной, нацеленные только на выполнение приказа. И пусть ради этого придется резать женщин и детей, добивать раненых соратников, которые тормозят передвижение ДРГ – война все спишет. Все это так, да не так. Нет в мире подобных терминаторов, кроме законченных социопатов, которые для нашей профессии непригодны.

Пусть нет воды в пробитой фляжке.
Идем мы в горы, не спеша.
И под десантную тельняшкой
Бессмертна русская душа.

Золотые слова из старой афганской песни. Именно бессмертная душа воина толкает нас на самопожертвования, на лишения, на риск за гранью возможного. И раненых у нас бросать не принято. И бывают такие ситуации, когда эта самая душа толкает на совершенно нерациональные поступки. Дело в том, что русский воин настроен не просто на выполнение боевой задачи, а на победу. А победа – сакральное понятие. Это прежде всего торжество духа. И нам порой ради высшей справедливости приходится забывать о прагматизме.

Вот один из таких нерациональных поступков мне и предстояло совершить. Нам однозначно приказано не высовываться и ждать. Но это значило допустить массовую резню мирного населения. И кто мы будем после этого?

Скорее всего, ни один британский или американский командир группы спецназа не пошел бы на такое. Вот они истинные прагматики. Выполняют свою работу как добросовестные заинструментированные клерки – от «А» до «Я». И поэтому никогда не будут победителями. А будут лишь людьми, достигшими поставленных целей.

Примерно такую речь, только попроще, я толкнул своим подчиненным. И спросил:

– Я прав?

В таких ситуациях я выслушивал мнение всей группы.

– Посчитаться с бородами – святое дело, – сказал Князь. – Им пора начать по счетам платить. Вот сегодня пусть и ответят за ту расстрелянную икону в монастыре.

– Их надо убить, – согласился Бек.

– Да плевое дело, – кивнул Рад. – Почикаем бородастых – и под трибунал за невыполнение приказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.